

Привычный и знакомый Зал Извивающегося Дракона, где он всегда жил, в ночной тьме казался чужим и неузнаваемым.

Он погрузился во мрак глубже обычного. Даже красные свечи в больших фонарях, что несли стражники, патрулировавшие за стенами, казались Императору лишь тусклыми искрами.

Глубже в его глазах таилось немало тяжелых дум.

А этой ночью к ним примешалось еще и странное, с трудом сдерживаемое волнение.

Слишком многое происходило.

Император неспешно шагал по дорожке, вымощенной синим кирпичом.

Кидань, Девятый младший брат, а вдобавок женщины из гарема — быть императором поистине нелегко.

— Хозяин, берегите ноги, здесь скользко от мха. Проклятые евнухи совсем распустились, даже дорожки толком не убрали, — Сяо Фуцзы согнулся в три погибели, неся фонарь, и слегка отступил в сторону, пропуская Императора, после чего виновато и заискивающе добавил: — Не гневайтесь, Ваше Величество, вернувшись, я непременно взгрею лентяев.

Император опустил взгляд и действительно заметил на плитах зеленые пятнышки мха. Немного, самую малость, но та упрямо вцепилась в синий камень, наотрез отказываясь уходить.

Уцелеть под скребками дежурных евнухов — можно сказать, избежать верной гибели.

Эточему-то напомнило ему бесстыдного киданьского принца.

На губах Императора мелькнула легкая улыбка. Сжав губы, он промолвил: — Пустяки. На дворе осень, редкая зелень — пусть останется.

Внезапно осознав, что он улыбается, Император внутренне поморщился и тут же напустил на себя прежний отрешенный и молчаливый вид.

— Слушаюсь, — украдкой взглянув на его лицо, Сяо Фуцзы снова занервничал.

О боги, стоило Императору наконец смягчиться, как он тут же снова помрачнел! Поистине, мысли дракона неисповедимы.

Осторожно освещая путь фонарем, они незаметно дошли до передних ворот Зала Извивающегося Дракона.

Но Император вдруг остановился.

— Хозяин?

Император поднял голову, глядя на свет, струившийся сквозь оконные решетки.

Еще мгновение назад он торопился сюда, но стоило оказаться на месте, как на сердце тяжелым грузом опустилось странное давление.

Чего бояться? Девятый младший брат внутри.

Даже если этот Цан Нуо умер, тело всегда можно растворить в зельях.

Разве он...

и впрямь может умереть?

— Хозяин? — Сяо Фуцзы набрался храбрости, чтобы вернуть рассеянного Императора в реальность.

Сегодняшний Император вел себя слишком странно.

Словно одержимый злыми духами: то рассеянный, то вспыльчивый, то погруженный в мрачные раздумья.

— Пока Меня не было, Девятый младший брат ничего не просил?

Сяо Фуцзы осторожно ответил: — Я сопровождал вас к Вдовствующей императрице и всё время ждал снаружи, сметь куда-либо отлучаться не посмел. Если хотите знать, приказать здешней прислуге явиться с докладом?

Император покачал головой: — Не нужно. И ты не заходи внутрь, сегодня ночью Я хочу побыть один.

Сяо Фуцзы послушно кивнул, хотя мысленно подумал: странно, ведь Девятый князь тоже там, почему же «один»? Вслух, впрочем, спросить не посмел. Низко склонившись, он проводил взглядом императорский парус — Император в одиночестве шагнул за передние ворота Зала Извивающегося Дракона.

Подойдя к дверям внутренних покоев, он вдруг услышал окрик: — Кто там? Сюда входить запрещено, ты что, не слышал моих слов?

— Это Я.

Девятый князь выскочил из комнаты, торопливо отворяя дверь. Увидев, как Император проскользнул внутрь, он тут же накрепко запер ее за ним, вытирая пот со лба: — Наконец-то вы вернулись, Ваше Величество, целых часа не было. Здесь столько крови, ваш покорный слуга боялся, что кто-нибудь из непонятливых слуг заявится сюда без спросу. Я и сам во дворец прибыл давно, а Юлан там, в поместье, небось теперь...

— С каких это пор ты стал болтливым, как баба?

Едва переступив порог, Император молча окинул взглядом комнату.

Пол по-прежнему оставался грязным, запекшаяся кровь почернела и казалась липкой.

Цан Нуо, прежде лежавший в луже крови, оттуда исчез. Теперь он вытянулся во всю длину на тщательно вытертом длинном письменном столе. В Зале Извивающегося Дракона имелась кровать, но то была ложе Сына Небесного. Девятому князю ничего не оставалось, кроме как расчистить письменный стол.

На Цан Нуо была надета чистая одежда, а окровавленное одеяние, разумеется, было уничтожено Девятым князем.

Император вгляделся: грудь варвара вроде бы слегка вздымалась, судя по всему, он был еще жив.

Взгляд невольно скользнул ниже, к паху Цан Нуо: ушедший отсюда со стоячим органом, теперь он опал, больше не возвышаясь бугорком под тканью.

Сердце Императора немного успокоилось. Резко переведя взгляд, он встретился глазами с Девятым младшим братом: тот смотрел на него с полуулыбкой на лице, отчего молодой Сын Небесного мгновенно смутился. Поспешно отведя глаза и напустив на себя ледяной вид, он низким голосом спросил: — Он сдох?

— Докладываю Императору, едва не сдох. — Девятый князь бился целый час, пустив в ход все известные ему уловки, и наконец вытащил этого киданьского принца с того света. Переведя дух, он докладывал с расстановкой: — Его ранили ножом, он потерял много крови, вдобавок принял... принял яд. — На этом месте он не удержался и бросил косой взгляд на успокоившийся пах Цан Нуо, после чего продолжил: — К счастью, он крепок телом, судя по всему, с детства занимался боевыми искусствами, природная закалка хороша. Рана хоть и глубокая, но жизненно важные органы не задеты, а вот последовавший за ней... кхм... яд

заставил кровь циркулировать быстрее, из-за чего он потерял еще больше крови, поэтому...

— Так он спасен? — Император оборвал его на полуслове.

— Да, раны ему перевязали, а я приказал ожидать снаружи лекаря из Императорской лечебницы. Целебный отвар я влил в него лично. Опасности больше нет, нужно лишь восполнить потерю крови и отдохнуть.

Император внимательно слушал, а когда Девятый князь замолчал, невольно покосился на него.

Но казалось, тот уже всё высказал.

— И это всё? — Император знал, что спрашивать об этом не следует, но любопытство скребло душу острыми когтями, и он, напустив на себя официальный вид, не выдержал: — Что за яд был в его теле — такой свирепый? Как тебе удалось его вылечить?

Заметив ледяную маску на лице своего второго брата и услышав этот вопрос, Девятый князь едва не прыснул со смеху.

Однако он прекрасно знал нрав Императора: гордого, величественного и не терпящего ни малейшего удара по самолюбию. Рассмейся он сейчас — и тот, не задумываясь об узах братства, тут же отдаст приказ обезглавить его.

Пришлось с трудом сдерживаться и отвечать с абсолютно серьезным лицом: — Вообще-то вашему покорному слуге часто приходится иметь дело с подобными ядами. Так что в способах противоядия я немного смыслю. От ядов подобного свойства избавиться легко: достаточно лишь слегка уколоть золотой иглой аккурат в три дюйма ниже двух нижних шариков, как яд тут же нейтрализуется. — Живот у него сводило от смеха, а в уголках рта подергивало.

Император был человеком проницательным и сразу заметил перемену в цвете его лица.

Но раз тот «умел исцелять от яда», как он мог не знать, что это за «яд»?

Узнав, что Цан Нуо спасен, Император почувствовал странное облегчение. Злость улетучилась, и он лишь сердито зыркнул на Девятого князя: — События сегодняшнего дня развернулись стремительно и приняли странный оборот. Как всё было на самом деле, тебе не угадать, и гадать запрещено. Если вздумаешь болтать об этом повсюду, пощады не жди — ни тебе, ни тем, кто станет тебя слушать.

Девятый князь покорно кивнул, глядя на темнеющее небо, и произнес: — Император, у меня теперь собственное поместье, а по дворцовым правилам оставаться здесь на ночлег без веских государственных причин не положено.

— Хм, ты тоже устал. Ступай.

— Этого человека я заберу с собой, — Девятый князь указал на Цан Нуо. — Под покровом ночи скажу, что Император пожаловал мне ширму из восьми драгоценностей и цветного стекла. Накроем желтым шелком, погрузим на тележку — никто и не заметит. Оставлять его здесь, пожалуй, неудобно.

Император изначально и не собирался оставлять Цан Нуо у себя, но услышав слова Девятого князя, его взгляд снова невольно скользнул по чужеземцу.

Иноземец лежал в полубессознательном состоянии. И хотя он был ранен, выражение его лица на первый взгляд казалось безмятежным, словно во сне он видел прекрасные сны.

Сын Небесного сделал пару шагов вперед.

Из-за слишком близкого расстояния черты лица Цан Нуо — брови, переносица — внезапно выросли перед глазами. Волевое лицо и твердые губы в мгновение ока напомнили Императору о том, как близко этот человек подходил к нему, источая дикий, хищный запах.

В груди тут же заколотилось, а щеки залил румянец.

— С чего это ему здесь оставаться неудобным? — холодно усмехнулся Император, обнажая белые зубы. — Это Мой императорский дворец, вокруг полно стражи. Стоит Мне крикнуть, как сотня убийц ляжет на месте, не говоря уже о каком-то полумертвом человеке.

Девятый князь, заметив выражение его лица, понял, что его второй брат снова упрямится, и мягко попытался переубедить его: — Защита, конечно, не проблема. Но он всё же иноземец, и оставаться на ночлег во дворце не положено, тем более здесь, в Зале Извивающегося Дракона. Я лишь опасаюсь лишних сплетен.

— Кто посмеет? — голос Императора резко взмыл вверх, а усмешка стала еще ледянее. — Пусть попробуют посудачить! Кто произнесет хоть слово — уничтожу весь его род до девятого колена.

Девятый князь пристально посмотрел на второго брата, словно догадываясь о чем-то. Он уже хотел что-то сказать, шевельнул губами, но передумал и ответил: — Слушаюсь, Ваше Величество, повинуюсь приказу. Ваш покорный слуга удаляется. — Он тут же отвесил поклон и попятился назад.

— С этим человеком Я в будущем разберусь сам. Будь спокоен, к дипломатическим отношениям Небесной Династии и Киданя Я отношусь со всей серьезностью, — властный голос донесся ему вслед. — Только смотри, если до того, как Я во всем разберусь, утечет хоть слово — пощады не жди!

Вдоволь попугав Девятого младшего брата и убедившись, что тот не станет болтать о случившемся с его домашними, Император с наслаждением вдохнул прохладный воздух и обернулся к неподвижному Цан Нуо.

Доводилось ли ему разглядывать его раньше?

Однажды — издалека. Один — Владыка Небесной Династии, другой — посол чужеземцев; даже черты лица толком не разглядеть.

Второй раз — слишком близко. Один потерял бдительность, другой внезапно превратился в зверя; в яростной схватке они растеряли все силы, разве думал кто-то о том, чтобы как следует разглядеть рожу противника?

И в последний раз — этот мерзавец притаился у него за спиной, подкрался и в итоге схлопотал удар ножом. Зато теперь выдалась возможность рассмотреть его как следует.

— Ваше Величество.

Из тишины у дверей вдруг раздался голос. Хотя и тихий, но достаточный, чтобы заставить чувствующего за собой вину Императора вздрогнуть от испуга. Отойдя от Цан Нуо на два шага, он смущенно огрызнулся: — Наглец! Кто там?

— Ваше Величество, это я. — Девятый князь вернулся. Понимая, что входить снова неуместно, он остался за дверью и произнес сквозь дерево: — Забыл об одной вещах. Его лекарство нужно дать еще раз вечером, и так принимать три дня. Я уже велел Императорской лечебнице ежедневно варить отвар и присылать сюда.

— Хм.

— И еще кое-что...

— Есть что сказать — говори, не таян!

— Слушаюсь, — отозвался Девятый князь и добавил: — Прошу Ваше Величество отворить дверь. — Снаружи посредством глухого стука обо что-то в деревянную створку раздался легкий звук.

Император отворил дверь, и едва услышав слова Девятого князя: — Берегитесь, Ваше Величество, — как в щель протиснулся темный мохнатый комок, напугав Императора. Рука у него оказалась липкой и теплой.

Приглядевшись, он понял, что это крупная черная собака, каких обычно использовали для

дворцового патруля.

Голос Девятого князя донесся из темноты: — Пусть эта черная собака побудет в комнате, Ваше Величество. Во-первых, у нее крепкие зубы, она хорошо дрессирована и безукоризненно послушна — если что случится, у Вашего Величества будет помощник. А во-вторых...

Комната была ярко освещена во всех углах — горели свечи.

Император находился в одном помещении с Цан Нуо, и без того испытывая крайнее напряжение и жар во всем теле. Назло ему Девятый князь завел долгие разговоры, и Император помрачнел: — Во-вторых, что? Ты нарочно мешаешь Мне отдыхать? Или не хочешь возвращаться в поместье? Коль не хочешь — ладно, Я устрою тебя здесь.

Большой черный пес послушно уселся в стороне, задрал голову на Императора и непрерывно высовывая язык, виляя хвостом.

— Не гневайтесь, Ваше Величество, я ведь о вас пекусь, — голос Девятого князя за дверью оставался ровным и почтительным. — Во-вторых, сегодня я вызывал лекарей и требовал у них отваров. Как ни убирай кровь на полу, следы всё равно до конца не скроешь. Поэтому ваш покорный слуга осмелился солгать всем встречным, будто Ваше Величество нынче увлеклись разведением собак, а этот большой черный пес по неосторожности повредил переднюю лапу о бамбук...

Тут Император всё понял.

Бросив взгляд на Цан Нуо, а затем на тяжело дышавшего у его ног пса, он подумал, что сравнение Девятого брата оказалось весьма занятным. Голос его смягчился: — Можешь не продолжать, Я знаю, что делать. Однако должен признать: у тебя хватило ума озаботиться тем, чтобы избавить Меня от хлопот.

Девятый князь тихо что-то бросил снаружи и удалился. Шаги за окном постепенно затихли в ночной тишине. Император молча постоял, протянул руку, чтобы погладить черного пса по голове, и медленно перевел взгляд на Цан Нуо.

Теперь в комнате остались лишь они вдвоем и собака.

Нет, две собаки и один человек.

Он снова шагнул вперед, на этот раз уже без прежнего смятения в душе. Заложив руки за спину, он свысока оглядел человека, который должен был умереть, но чудом выжил.

Этот человек определенно заслуживал смерти.

При воспоминании о прошлой ночи в груди молодого Императора снова вспыхнуло яростное пламя.

Император протянул руку, и его длинные тонкие пальцы легли на шею Цан Нуо.

Пульс на шее бился ритмично, передавая эту пульсацию его благородной, изящной руке.

Император нахмурил брови: у этого парня даже шея оказалась мощной и сильной.

Сила, удушливая аура захватчика, требование безоговорочного подчинения — вот что оставило в душе Императора самый глубокий след, куда более сильный, чем внешность Цан Нуо.

Внешность обманчива, а вот аура не врет.

— В этом месте сжимать слишком сильно нельзя...

— Теперь можешь давить на спуск.

Тогда тепло тела Цан Нуо постепенно проникало в него.

А его слова глубоко врезались в слух.

— Смотри вперед, целься туда, куда хочешь выстрелить, лови линию прицела...

Главное для Сына Небесного — уметь разбираться в людях. Почему же в ту самую первую встречу, в жаркие секунды близости в Императорском саду, он думал вовсе не об этом, а об изготовлении арбалетов и военной мощи Киданя?

Дурак!

Его пальцы непроизвольно сжались сильнее, и Цан Нуо, словно почувствовав что-то, слегка повернул шею.

Император испугался, тут же отдернул руки и впился взглядом в этого злодея, который вполне мог очнуться.

Рядом раздалось тихое шевеление, Император резко обернулся и перевел дыхание. Черный пес уселся под письменным столом, с скучающим видом вылизывая переднюю лапу. Заметив, что Император смотрит на него, он послушно опустил лапу, сел ровно и заморгал влажными большими глазами, глядя на Девятого и Пятого Владыку.

Император вздохнул.

— Он — мерзавец, совершивший непростительные преступления, тягчайшее злодеяние. — Служанки и евнухи были изгнаны, и Император лично притащил стул, усевшись перед письменным столом, между Цан Нуо и черным псом.

Он заговорил с черной собакой так, будто та была не животным, а верным сановником, выслушивающим его волю: — Не будь Я императором, не будь на Мне заботы о Небесной Династии, сегодня ночью Я бы непременно убил этого негодяя.

Черный пес послушно и смирно слушал.

Императору вдруг стало радостно оттого, что тяжелые мысли можно высказать вслух. Он уже собирался продолжить, как вдруг слегка вздрогнул и поднялся: — Ты очнулся? — Он шагнул вперед, слегка наклонившись.

Цан Нуо лежал с закрытыми глазами, но казалось, действительно пришел в себя: уголки его рта и глаз чуть подергивались, словно у человека, который погрузился в глубокий сон, но никак не может проснуться окончательно.

— Воды... — низко выдавил он из горла.

Воды?

Я — великий Сын Небесного, чтобы бегать по твоим прихотям?!

Недовольство в душе Императора не успело толком оформиться, как тут же увяло. Лицо Цан Нуо было мертвенно-бледным, густые брови кривились в муке — это зрелище начисто лишило Императора желания брюзжать.

Ладно уж, этот варвар всё равно не понимает разницы в сословиях и не ведает, что такое снисхождение монарха к простолюдину.

Разберемся, когда поправится.

Стерпев раздражение, он пошел залить в чашку холодной воды и протянул ее к губам Цан Нуо: — Открой рот, вода принесена.

Цан Нуо не слышал его слов, хмурясь и продолжая бормотать: — Воды... воды...

Император тоже нахмурился.

Неужели Я должен поить тебя лично? Воду подать — еще полбеды: в истории бывали мудрые правители, которые разделяли одежду и пищу с пленными вождями, являя образцы добродетели. Но поить варвара водой...

— Пей сам, вставай. — Правитель, отродясь ни за кем не ухаживавший, отдал приказ полубессознательному раненому.

— Воды...

Император посмотрел на бормочущего с закрытыми глазами Цан Нуо.

Проклятье, даже будучи израненным, полуживым, он оставался всё таким же невыносимым.

Стиснув зубы и решившись на крайность, он поставил чашку на пол и подзвал черного пса: — Ну-ка, Я пожалуй чашку воды тебе.

Пожалуй, от начала времен еще ни одна собака не устаивалась столь почетной награды. Черный пес, явно сообразительнее Цан Нуо, радостно подбежал, виляя хвостом, и длинным языком в один миг вылакал всю воду до капли.

— Хоть ты знаешь толк в учтивости, — довольно похвалил его Император.

Поднявшись, он оглянулся на Цан Нуо: тот бормотать перестал, но его сухие потрескавшиеся губы всё еще слегка шевелились.

Казалось, он и впрямь изнемогал от жажды.

Ох, он ведь потерял столько крови.

Железное сердце Императора, глядя на мучения на лице Цан Нуо, неожиданно дрогнуло.

— Спасать — так до конца. — Император помедлил. — Ладно, так и быть, Я сохраню тебе жизнь.

В очередной раз отбросив сан Сына Небесного, он снова налил чашку воды для Цан Нуо. Проявив милосердие, Император уже не так злился на то, что тот не может встать и выразить благодарность земным поклоном — в конце концов, жизнь-то ему спас он сам, можно проявить великодушие.

— Эту воду Я даю тебе. — Произнеся эту фразу самым милосердным тоном, на какой был способен император, он слегка наклонил руку с чашкой.

Хрустальные струйки воды полились сверху, брызнули на губы Цан Нуо, а затем быстро заструились вниз по его щекам, подбородку, ушам и волосам, пропитывая воротник свежей одежды и заливая письменный стол.

Хотя Император целился в сухие губы Цан Нуо и старательно лил воду, из-за полного отсутствия опыта в уходе за больными этот государь явно не подозревал, что больных так не поят.

Тяжело раненый человек крепко стиснул зубы — разве могла вода попасть в горло при таком поливании сверху?

Это больше походило на умывание.

Вылив всю чашку, проникательный Император тут же понял, что этот способ не годится: — Мерзавец, Я по доброте душевной хотел напоить тебя, а ты зубы сжал.

Вспыхнув от гнева и обладая упрямым нравом «не добьюсь своего — не успокоюсь», Император в несколько шагов подлетел к столу и решительно схватил целый нефритовый кувшин с водой.

Черный пес наблюдал за этим со стороны, благоразумно поднялся и отошел к самой двери.

Хлюп!

Брызнули капли, словно рассыпались драгоценные камни. Освежающая волна окатила лицо Цан Нуо.

— Враг? — Взбодренный этой холодной струей, всё еще бредивший Цан Нуо вздрогнул, широко открыл глаза и выкрикнул: — Нападение?!

— Ты хочешь сказать, что это Я на тебя напал? — холодный, опасный голос рухнул сверху словно ледяная глыба.

Цан Нуо сфокусировал взгляд, и через мгновение на его лице расцвела радостная улыбка: — Чжэн-эр? Как здорово, ты всё еще здесь. Ой, а почему ты здесь? — он попытался шевельнуться, но потревожил рану, отчего лицо его скривилось от боли. Впрочем, улыбка тут же вернулась, словно он вспомнил всё, что предшествовало потере сознания.

— Ты не хотел моей смерти... — в глазах киданьского принца плескалась нежность, он смотрел на Императора с неизъяснимым восторгом: — Это прекрасно. Прекрасно, просто прекрасно.

Император чуть не врезал ему пощечину.

Этот чужеземец, не знающий ни законов, ни стыда, был невыносим в добром здравии, оставался мерзавцем в беспамятстве и вел себя хуже некуда, едва очнувшись.

Император, всегда гордившийся своим спокойствием и сдержанностью, сегодня уже не в первый раз выходил из себя по его милости.

— Если ты еще хоть слово скажешь, Я отрежу тебе язык! — Император обрушил на него всю мощь своего монаршего величия.

— Раз тебе так хочется, я могу расстаться и с жизнью. Отрезать язык — плохая идея, киданьцы говорят, что мои бедра — красивейшие во всем Кидане, если хочешь, можешь забрать их. А еще голову... Говорят, в Небесной Династии есть странные мастера, которые умеют делать чучела голов, чтобы они никогда не менялись...

Свечи покачивались, ярко освещая комнату, где на полу чернела лужа крови. Черный пес преданно охранял дверь, зевая и при этом исправно виляя хвостом. Цан Нуо, полумертвый, лежал на письменном столе с улыбкой на лице.

Император же с удручением обнаружил, что по части способности вызывать мурашки по коже Цан Нуо превосходит его самого.

Стоило тому произнести всего пару фраз, как по телу побежали мурашки, а ведь Цан Нуо говорил всё это, запροкинув голову и устремив на него жгучий взгляд.

— Заткнись! — не выдержав, рявкнул Император. Даже черный пес испугался его голоса — тревожно наострив уши, он принялся озираться по сторонам.

Цан Нуо тут же послушно закрыл рот и умолк.

Стоило ему замолкнуть, как его страстный взгляд медленно потух и он отвернулся.

Сердце Императора почему-то из пылающего котла гнева мгновенно погрузилось в ледяное зимнее озеро.

Это было до боли томительное чувство.

В комнате внезапно воцарилась тишина, заполнив каждый угол липким смущением.

— Я... — спустя долгое время Император выдохнул и спокойно произнес: — Если ты не будешь говорить глупости и соблюдать приличия перед монархом, говорить о чем-то еще дозволено. Я уже говорил утром: ради всеобщего мира Я простил тебя за то, что произошло прошлой ночью — это милость, выпадающая раз в тысячелетие. Сейчас Я — Император Небесной Династии, а

ты — посол Киданя. В нашей Династии чтут правила и порядок.

Самому Императору эта речь показалась разумной, складной, исполненной милости и благодати. Он думал, что этот варвар в конце концов проявит совесть, и если уж не раскается в содеянном, то по крайней мере проникнется благодарностью к мудрости и доброте правителя Небесной Династии.

Сглотнув слюну, он уже собирался продолжить развивать тему династических ритуалов, чинов и субординации, дабы невежественный Цан Нуо уразумел масштаб содеянного им греха, как тот вдруг тихо спросил: — Не говорить глупостей... а можно мне называть тебя по имени?

— М? — Император слегка опешил.

В комнате горело слишком много свечей, от их яркого света щеки слегка нагрелись.

Поразмыслив, Император ответил: — Ну... зови. — И тут же пояснил: — Я оказал тебе столько милостей, так что пожалуй об этой малости не стану. Но у правителя есть свое достоинство: можешь называть Меня так только наедине. Если услышу при посторонних — покараю по всей строгости.

Услышав это, Цан Нуо словно обрадовался: — Не переживай, я всё понял. Наедине — значит, когда мы только вдвоем, тогда я зову тебя Чжэн-эр. А посторонние — это все, кроме нас двоих, верно? — преодолевая боль, он повернулся и озорно подмигнул Императору.

Император остолбенел. Только сейчас он осознал, сколько брешей было в его словах, и этот грубый варвар тут же уцепился за них, разыграв целую комедию. Вспыхнув от стыда и гнева, он рявкнул: — Ты смерти ищешь! — и тяжело опустил ладонь на край письменного стола, издав оглушительный грохот.

Цан Нуо никак не ожидал такой бурной реакции. Стиснув зубы, он с трудом приподнялся на столе — с него закапала та самая вода, которой его только что окатили, — и повернул голову: — Чжэн-эр, если я сказал что-то не так, укажи мне, зачем же злиться?

Император был готов избить его до полусмерти.

И главным поводом для избиения было то, что сказанное варваром оказалось безупречным — к словам не придерешься.

Великий Сын Небесного вперил в Цан Нуо разъяренный взгляд.

Бить его сейчас, с такими ранами, он бы наверняка увернулся, но стоило бы только затеять драку, как эта крошечная жизнь, которую с таким трудом удалось спасти, мгновенно оборвалась бы...

Тяжело и громко отдуваясь и размышляя, какую бы еще изощренную гадость придумать, чтобы проучить Цан Нуо, Император вдруг услышал его тихий голос:

— Осторожно, кто-то приближается.

Император торопливо сосредоточился и прислушался — и впрямь со стороны улицы доносились шаги.

— Кто там?

— Хозяин, это ваш слуга Сяо Фуцзы. Тут из Императорской лечебницы пришли, говорят, целебный отвар, который заказывал Девятый князь, уже готов...

— Выплесни собакам!

— Э... Император?

— Ты что, оглох? Я сказал — выплесни собакам! — сердитый окрик пронесся сквозь стену.

Сяо Фуцзы так испугался, что чуть не рухнул на колени, и затараторил:

— Слушаюсь! Выплесну! Выплесну! Раб всё сейчас же исполнит.

Дрожа всем телом, он поднялся, бережно обхватил пиалу с обжигающе горячим отваром и мелкими шажками бросился к выходу. Не успел он выбежать в длинную галерею, как снова услышал голос Императора:

— Вернись.

Сяо Фуцзы в испуге припустил назад и опустился на колени за дверью:

— Император, ваш слуга здесь.

Человек за дверью явно замялся. Прошло немало времени, прежде чем послышался тяжелый, похожий на вздох голос:

— Собак у меня здесь целых две. Подавай отвар сюда. Если посмеешь хоть глазом заглянуть внутрь, живьем с шкуры спущу.

— Ваш раб ни за что не осмелится.

Император приотворил дверь и принял пиалу из рук Сяо Фуцзы, который крепко зажмурил глаза.

Как только дверь захлопнулась, Сяо Фуцзы упорхнул с такой скоростью, с какой только позволяли ноги.

О прародительница моя небесная, да что же стряслось с его величеством Императором? Сложи

вместе все его приступы гнева за последние два года — и то не сравнятся с тем, как трудно угодить ему сегодня!

Поглощенный собственными тяжелыми мыслями, Император совершенно не думал о Сяо Фуцзы и даже не заметил, как изменилось лицо Цан Нуо.

— Пей, — Император поставил миску на письменный стол.

— Не буду.

— Что? — Император обернулся, его яркие зрачки сузились, приобретя зловещий оттенок. — Повтори.

Цан Нуо по-прежнему сидел на письменном столе, его одежда насквозь вымокла, словно его только что вытащили из воды. Отчеканив каждое слово, он бросил:

— Я сказал, что не буду пить.

— Да как ты смеешь?! — Император пришел в ярость.

Я прощаю тебе твои тяжкие преступления, спасаю твою жалкую жизнь, лично перевязываю раны, кормлю тебя, пою водой и даже приказываю сварить лекарство! Во всей Поднебесной не сыщется человека более неблагодарного, чем этот Цан Нуо!

— Я не собака, — Цан Нуо, казалось, и впрямь распалился, бросив на Императора косой взгляд. — Хотя ты мне и нравишься, но неужели любить тебя значит обязательно быть псом?

Какое отношение всё это имеет к тому, любит он меня или нет?

Изящное и прекрасное лицо Императора слегка исказилось.

— А если я считаю тебя собакой, и что с того? — скрипя зубами, он процедил сквозь улыбку и в упор уставился на Цан Нуо. — Я — Сын Неба, владыка Девятого и Пятого, облеченный небесным мандатом. Все остальные, кроме меня, — лишь ничтожные букашки. Что, не согласен?

Цан Нуо был тяжело ранен, и хотя на нем была свежая одежда, изнутри нее уже снова проступала кровь.

Он едва удерживался сидя, но взгляд его горел таким ярким, непоколебимым блемом, что он ни на йоту не отступал перед взглядом Императора.

Сердце Императора слегка дрогнуло.

Хотя он уже вырос, еще никто не осмеливался смотреть на него вот так, лицом к лицу. Даже Девятый младший брат в те дни, когда из-за Юлана шел с ним наперекор и был готов на смерть, не обладал столь пронзительным взглядом, как у Цан Нуо.

В этом взгляде не было ни капли пиетета перед его императорским титулом.

Взгляд этого варвара, как и его буйный нрав, порой внезапно становился до боли давящим и невыносимым.

До чего же острая у него пара глаз!

Император стоял во весь рост, глядя на него сверху вниз, и делал вид, что сохраняет беззаботный вид. Но взгляд Цан Нуо, подобно не растратившей силы стреле, вонзался в плоть и упорно продолжал буравить изнутри.

Нельзя проигрывать, ни в коем случае нельзя признавать поражение!

Нужно выстоять до конца! — лихорадочно соображал Император.

Если он сейчас отступит, то как потом держать себя с видом истинного Сына Неба перед этим человеком?

Боюсь, тогда весь Кидань узнает, что Император Небесной Династии испугался встретиться взглядом с их послом.

Он изо всех сил цеплялся за самообладание, но в тот самый миг, когда он уже был готов сорваться и отвести глаза, Цан Нуо молча опустил голову.

— Я не стану пить лекарство для собак, — он устался на императорское ложе, чье постельное белье было старательно заменено прилежным Девятым князем.

Куда делась та простиня, которую он сам разорвал сегодня утром на бинты, оставалось загадкой. Медленно, выговаривая каждый слог, Цан Нуо произнес: — Я не хочу быть собакой, но и ты не хочешь быть Императором. Чжэн-эр, ты слишком умен, но мудрецы порой не понимают простых вещей. Чем умнее человек, тем меньше он способен понять.

Он горько усмехнулся:

— Как... как я хочу, чтобы ты был хоть чуточку глупее, простодушнее...

Император устался на него.

В глазах Цан Нуо таилась глубокая, меланхоличная печаль и столько невысказанных тайн, смешанных с мудростью человека, повидавшего виды, какой не встретишь без пережитых невзгод.

В этот момент Императору было трудно связать его с тем привычным Цан Нуо, которого он знал.

— С чего бы мне быть глупым? — опешил Император и лишь спустя долгое время нашелся с ответной репликой.

Едва слова слетели с его губ, как ему самому показалось, что он сморозил глупость.

Цан Нуо же ответил совершенно серьезно:

— Глупцу легко стать умным, а вот умному отупеть очень сложно. Впрочем, не невозможно же. Когда-то я... — он замолчал, словно слова застряли у него в горле, и спустя мгновение просто добавил: — ...был очень умным человеком.

С этими словами он снова поднял взгляд на Императора.

В этот момент его выражений лица вновь переменилось.

Глубина и меланхолия поблекли, уступив место трем частям безумной страсти. Он не сводил с Императора глаз. И хотя он сидел внизу, а Император стоял, Император вдруг с изумлением почувствовал, что взгляд Цан Нуо направлен на него сверху вниз.

Словно чей-то силуэт выглянул из-за голубых небес и облаков и окинул взглядом землю в поисках другого человека.

Император был настолько потрясен взглядом Цан Нуо, что едва удержался на ногах — его качнуло, и лишь вовремя взяв себя в руки, он мысленно заставил себя выпрямиться.

Не смей витать в облаках, не смей предаваться дурацким мыслям.

Вспомни, что этот негодяй вытворял вчера! Даже самая последняя, бесстыдная блудница не стала бы на следующий день смягчаться душой к такому человеку!

Должно быть, это какое-то киданьское боевое искусство или колдовство.

Как бы то ни было, завтра на рассвете я отправляюсь в уединенную молельню Вдовствующей императрицы, посижу там в тишине пару часов, чтобы усмирить этот мятежный дух.

Пока в голове Императора вихрем проносились мысли, его взгляд трусливо соскользнул на миску с лекарством, и он произнес пересохшим горлом:

— Пей лекарство.

— Не буду.

Разговор вернулся к начальной точке, не сдвинувшись ни на дюйм.

— Как знаешь, — бросил Император с досадой, направился к драконьему ложу и не удержался от зевка.

День выдался поистине утомительным.

Устал и телом, и душой.

— Чжэн-эр, — донеслось из-за спины.

Собиравшийся потянуться Император замер.

Верно, прежде чем лечь спать, с этим человеком стоило хоть как-то разобраться.

Впрочем, с такими кровоточащими ранами он едва ли сможет сотворить какую-нибудь пакость этой ночью, даже если сам Император уснет.

Может, привязать его к ножке письменного стола?

— Чжэн-эр?

— Мм? — Император повернулся и скептически приподнял брови, глядя на Цан Нуо.

Полагая, что этот тип снова начнет цепляться, он никак не ожидал услышать напутствие:

— Осень наступила, похолодало. Не укрывайтесь одним одеялом.

Император остолбенел. Не успел он толком разобраться со смутным, чуть кисловатым чувством в груди, как Цан Нуо продолжил с пылкой нежностью в голосе:

— Ты спишь беспокойно, любишь ворочаться и вечно сбрасываешь одеяло. Одного на двоих тебе не хватит. А эти твои наложницы и императрица спят мертвым сном, словно свиньи, даже не додумаются прижать тебя покрепче, дадут застудить. Простудишься — начнешь чихать...

Не дав ему договорить, Император широким шагом пересек комнату, в один миг схватил Цан Нуо за воротник и, покраснев до корней волос своим прекрасным лицом, выпалил:

— Откуда тебе знать, как я... как я сплю?!

Цан Нуо все еще был тяжело ранен и держался сидя из последних сил; от резкого рывка Императора у него в глазах тут же потемнело. Будучи по природе упрямым, он попытался изобразить на лице беспечную улыбку:

— Я видел это много раз, как же мне не знать? — он скользнул взглядом по фигуре Императора и легко усмехнулся.

В глазах Императора это выражение показалось исполненным чистейшей зловещей похоти и разврата.

Буря неистового гнева вмиг закипела и выплеснулась наружу.

— Наглость!

Сколько бы он ни твердил себе, что военная мощь Киданя превосходит силы Небесной Династии, что всеобщее благополучие важнее личных обид, в этот момент никакой Нефритовый Владыка не смог бы обуздать ярость молодого монарха.

Грозно рывкнув, Император одной рукой сжал воротник Цан Нуо, а другую взмахнул и, не задумываясь, отвесил тяжелую пощечину.

Хлѐсь!

В просторной комнате разнесся звонкий звук удара.

— Да как ты смеешь смотреть на меня свысока, ублюдок! Я тебе покажу, как ухмыляться!

Одной пощечиной гнев Императора не утих.

Раз уж Цан Нуо все равно не мог дать сдачи, а удар уже был нанесен, Император, до предела уставший от постоянного унижения, принялся лупить его то правой, то левой рукой — тресь, бац! — отвесив с десятков пощечин подряд. Грудь его тяжело вздымалась, лицо пылало, и он злобно выкрикивал сквозь слезы в глазах:

— Я... я разве тот государь, над которым можно измываться? Среди бела дня, на глазах у всей поднебесной... — на полуслове он вдруг резко осекся.

А?

Почему... он вдруг перестал шевелиться?

В испуге Император разжал пальцы, и сидевший на столе Цан Нуо безвольно осел вниз.

— Цан Нуо! Цан Нуо!

Киданьский принц обмяк, привалившись к холодной влажной поверхности стола, не подавая ни малейших признаков жизни.

Умер?!

Зловещий холодок пронесся прямо по сердцу Императора. Он протянул руку и долго шарил, пока наконец не уловил слабое дыхание.

Значит, жив...

Тревожно осматривая Цан Нуо, Император подумал: этот варвар хорош — стоит ему захотеть, и он тут же приходит в сознание, захочет — падает в обморок. Больше всех в итоге мучается тот, кто вовсе не ранен.

— Эй, очнись, — набравшись храбрости, произнес Император ровным голосом. — Если уж спать, то будучи раненым тебе следует лечь на кровать, а не лежать здесь сырым.

В комнате царила тишина. Черный пес лежал на полу, изредка шевеля пушистой черной шерстью.

— Ты же утверждал, что ты человек, а люди должны спать на постели, верно? Вставай давай, иди ложись. Хоть я и Сын Неба, но не стану придираюсь к раненому.

— Цан Нуо, ты что, и вправду вырубился?

— ...

Эхо собственного голоса лишь сильнее раздражало Императора.

Стоило заставить его выпить лекарство. Император обернулся и уставился на уже наполовину остывшую пиалу.

Сам хорош, растерялся: раз уж твердо решил спасти ему жизнь, к чему эти лишние драмы? Император, который отроду не признавал своих ошибок, на мгновение укорил себя за опрометчивость.

Подойдя к столу, он взял миску, зашагал обратно и тут же озадачился.

А как, собственно, поить его?

Ложка-то вот она, под рукой, но если Цан Нуо лежит навзничь, он может подавиться.

Поразмыслив с минуту, Император наконец неуклюже подхватил одной рукой голову Цан Нуо, а другой поднес миску. Поднеся ее к губам раненого, он с досадой понял, что осталась еще одна нерешенная проблема: тот снова стиснул зубы. И как теперь вливать?

— Хлопотно с ним! — выругался про себя Император, но руки его двигались на удивление мягко.

Опустив голову Цан Нуо обратно, он взял пиалу в одну руку, а пальцами другой принялся раздвигать его губы и разжимать челюсти.

Подавится так подавится, я сделал всё, что мог, остальное — воля небес.

Раздвинуть зубы Цан Нуо оказалось непросто. Император долго возился своими благородными пальцами, но мог лишь мять и ерошить его упрямые губы.

И всё же губы у него были на редкость приятными на ощупь.

Теплые, упругие.

Мягкие и одновременно крепкие...

Пока он увлеченно ласкал их, черный пес тихонько вздохнул. Император вздрогнул и мгновенно отдернул руку, из-за чего пиалу в другой руке перекосило, и большая часть отвара пролилась.

— Я... я ведь веду себя до крайности распутно... — изумленно пробормотал молодой Император в наступившей тишине.

Бросив на Цан Нуо косой взгляд — словно от этого бесчувственного тела исходили какие-то чары, — он торопливо отставил миску и со всех ног бросился к кровати.

Задернув полог, он развернул одеяло, с головой укрылся с головой, и навалившаяся темнота

словно немного оградила его от колдовских чар Цан Нуо.

Император тихо выдохнул.

До чего же это страшно...

Страшен, пожалуй, вовсе не Цан Нуо.

А он сам? Неужели он — никудышный Сын Неба?

Лица Вдовствующей императрицы, императрицы, благородной супруги Шу, Девятого брата и министров замелькали вихрем перед глазами.

— Сын Неба — это Девятый и Пятый Владыка, высочайший и благороднейший из всех.

— Каждое ваше слово, каждое движение вызывают восхищение всей Поднебесной...

— Ваша наложница служит вам, разумеется, потому что вы — Император.

— Вы — мудрый монарх, а ваша матушка — счастливейшая из вдовствующих императриц.

Император раздраженно зажал уши руками.

Величие, взращиваемое на протяжении двадцати лет, императорское достоинство, взлелеянное под всеобщие восторги и лесть, — всё это грубый и невоспитанный варвар смешал в какую-то отвратительную, неудобоваримую жижу.

Эту кашу не проглотить, не выплюнуть.

Крепко обхватив подушку янтарно-желтого цвета, Император тяжело и часто дышал под парчовым одеялом.

Он просто ужасно устал. И одинок.

Но ведь правитель управляет четырьмя сторонами света, нарекает себя сиротой и одиночкой — разве можно ему не уставать? Разве не положено ему быть одиноким?

А Цан Нуо...

Он...

Он — подлец!

Подлец, который воспользовался чужой беспомощностью, преследовал злые умыслы, заслуживающий смерти тысячу, нет, десять тысяч раз!

Он посмел выведать тайны беззащитного государя, самыми грязными, презренными методами атаковав сердце мудрого Императора, еще не успевшее затвердеть до состояния камня.

Император люто ненавидел его, скрежеща зубами в темноте в сторону Цан Нуо. Если бы не

благополучие Поднебесной, он бы ни за что не пощадил этого мерзавца, зверя, вора!

И все же ощущение чужих объятий, поцелуев и нежности по-прежнему пылало жгучим жаром.

Прошлой ночью был короткий миг, когда он отчетливо уловил обнаженную жажду Цан Нуо — не имеющую ничего общего с его императорским статусом, исходившую из чистейших человеческих инстинктов.

Это была та самая плотская страсть, которую так презирала чтящая ритуалы Небесная Династия, но именно эта первобытная плотская страсть обжигала так сильно, что её невозможно было забыть.

Словно кто-то силой втолкнул ему в грудь горящий факел, который теперь никак не удавалось вытащить.

— Я... я вовсе не распутный правитель, утонувший в плотских утехах, и уж тем более не какой-то развратник!

Погруженный в тяжелые мысли Император резко откинул одеяло и сел на постели.

Двадцать лет строжайшего воспитания не позволяли его самоуважению и гордости так легко рухнуть.

Он — Император, и он непременно станет прославленным монархом Небесной Династии.

Разве его матушка-императрица, царица, наложницы и министры не важнее этого зверя?

Да, именно те люди, что окружают его и побуждают стать великим государем, имеют истинное значение.

Стоило ему это уяснить, как в голове мгновенно прояснилось.

Дрожа, Император поднялся на ноги. Его лицо было бледным, а в глазах залегли красные прожилки. Сменив верхнюю одежду и демонстративно избегая смотреть на бесчувственного Цан Нуо за письменным столом — чтобы вновь не поддаться чарам этого смутьяна, — он решительно направился к выходу.

— Сяо Фуцзы! Сяо Фуцзы! — громко позвал он, выходя за дверь и плотно затворяя ее за собой.

Сяо Фуцзы опрометью бросился к нему из темноты:

— Сяо Фуцзы здесь! Хозяин... вы... — он украдкой поднял глаза и заметил, что Император облачен в парадное платье. — Вы куда-то собрались?

— Да.

Император помрачнел. На его лице проступила несвойственная ему в будни твердость, когда он устремил взгляд в пугающую пустоту ночи:

— Я навещу императрицу.

— Слушаюсь, ваш слуга сейчас же укажет дорогу, да и людей надо отправить предупредить императрицу, чтобы достойно встретить ваше величество.

Император кивнул.

Фонари нашлись быстро. Узнав, что среди ночи государь направляется в другие покои, стражники тут же выслали отряд для сопровождения.

Отрезок стражников, полдюжины евнухов, служанки и свыше десятка фонарей змейкой двинулись по узким тропинкам императорского сада сквозь ночную мглу, напоминая крошечного огненного дракона.

Едва они приблизились к покоям императрицы, как оттуда спешно выбежали две богато убранные служанки. Павши ниц перед Императором, они прошептали:

— Мира вашему величеству. Просим вас остановиться.

Император замер и мягко произнес:

— Что, императрица еще не закончила прихорашиваться и не может принять меня? Мы с ней муж и жена, к тому же ночь на дворе, к чему такие сложности? Можно пренебречь этикетом.

Упорядочив свои мысли, Император чувствовал себя куда лучше.

Впредь он будет куда мягче и с матушкой, и с императрицей, и с наложницами, и с министрами.

А вот такие, как Цан Нуо, и гроша ломаного не стоят.

Служанки, припав к ногам Императора, несколько раз ударились лбами о землю, прежде чем одна из них осмелилась заговорить:

— Не гневайтесь, ваше величество, это наша госпожа велела передать вам ее слова. Она говорит: хоть вы и супруги, но существуют государственные законы и порядки. По заведенному в дворце старому правилу, после второго стража Императору запрещено входить в покои императрицы.

Император остолбенел. Лишь спустя долгое время он натянуто улыбнулся:

— Что за глупые правила? Никогда о таком не слыхал. Императрица излишне осторожничает, воображая, что раз она мать поднебесной, то должна во всем служить примером. Ступай скажи ей, что все законы и установления в Поднебесной издаю я. Сын Неба, управляя страной, волен как создавать правила, так и отменять их. Эту вот статью я отменяю прямо сегодня.

С этими словами он сделал шаг вперед, намереваясь войти.

Однако служанка не посмела уступить дорогу. Отчаянно застучав лбом о камни, она

залепетала:

— Ваше величество, госпожа велела передать еще кое-что.

— О? — улыбка на лице Императора совсем скисла, но он продолжал проявлять терпение. — Говори.

— Госпожа сказала, что хотя это правило и не доставляет радости, в нем есть глубокий смысл. Во-первых, оно создано ради заботы о драгоценном здравии вашего величества, а во-вторых — чтобы подать пример подданным всей Поднебесной. Если государь бережет силы и печется о здоровье, не предаваясь плотским утехам, то и народ последует его примеру.

При слове «плотские утехы» в голове у Императора точно громыхнуло — словно эти слова нарочно подобрали, чтобы попрекнуть его.

Его изящные брови гневно дрогнули.

Вторая служанка императрицы тоже поклонилась в землю и добавила тихонько:

— Госпожа говорит: пусть это и порядки внутреннего двора, в них заключен великий смысл, и нарушать их нельзя. Если ваше величество недовольны, смиренно просим пожаловать завтра днем, а сегодня госпожа уже приготовилась принять наказание.

Услышав это, Император окончательно лишился улыбки. С мрачным лицом он простоял несколько мгновений под холодным осенним ветром, после чего холодно бросил:

— Во всей Поднебесной не сыщется жены более преданной ритуалам, чем моя императрица. Прекрасно, просто великолепно!

Резко развернувшись, он зашагал обратно тем же путем.

Стражники тут же синхронно развернулись следом.

Сяо Фуцзы семенил впереди, освещая дорогу фонарем и изо всех сил пытаясь поспевать за несшимся вперед Императором. Запыхавшись, он робко осведомился:

— Ваше величество, куда теперь держим путь?

— К благородной супруге Шу!

— Ваше величество... — Сяо Фуцзы украдкой смахнул холодный пот. — Согласно сегодняшнему указу Вдовствующей императрицы, благородная супруга Шу носит под сердцем дитя, и ночами никому не дозволено ее тревожить...

Император резко затормозил.

Сяо Фуцзы едва не врезался ему в спину, чудом успев увернуться и развернуться на месте. В ужасе он уставился на неподвижную спину Императора.

На мгновение всё вокруг словно замерло.

Ночной ветер свистел в ветвях.

Этот дворец, возведенный века назад и поглотивший немало человеческих жизней и крови, источал зловещую, затаившуюся на долгие годы темноту.

Огоньки дюжины фонарей в руках стражников казались донельзя хрупкими под сенью ночи. Никто не смел вымолвить ни слова, царила абсолютная тишина, и каждый затаив дыхание смотрел на молчаливую спину Императора.

Эта молодая, прямая, полная гордости и чаяний спина несла на себе как величие верховной власти, так и неизбежное, сопутствующее любому правителю одиночество и бремя прожитых лет.

— Сяо Фуцзы, глубокой ночью мне так хочется излить кому-нибудь душу, — спустя долгое время тихо произнес Император. — Как по-твоему, куда мне податься?

— Это... — у Сяо Фуцзы сжалось сердце. Тон Императора звучал куда более опустошенным, чем обычно. Поразмыслив, он робко предложил: — Если уж говорить по душам, кроме императрицы, осмелюсь предположить, остается разве что Вдовствующая императрица.

— О? — Император слегка кивнул.

— Но к ней сейчас никак нельзя, ее величество уже почивают, и случись хоть небо рухнуть, увидиться с ней удастся лишь завтра. Вы же у нас первый сын сыновней почтительности в Поднебесной, вы ни за что не станете тревожить ее сон.

— Первый сын сыновней почтительности? — Император горько усмехнулся, пробуя на вкус эту похвалу, а затем продолжил. — У императрицы я уже побывал, и меня прогнали. К Вдовствующей императрице? Туда и вовсе нельзя. Разве не осталось других мест?

Позади стояла тишина.

— Мм? — Император круто повернулся к Сяо Фуцзы. — Ты что, онемел?

Острый взгляд пронзил Сяо Фуцзы насквозь, заставив его колени подогнуться. Он рухнул на землю и запричитал:

— Ваш слуга... ваш слуга не знает...

Стоило ему опуститься на колени, как и все остальные стражники, евнухи и служанки вокруг безмолвно повалились на землю рядами.

— Не знаешь? — тоскливо пробормотал Император.

Ночной ветер подул с верхушек деревьев, заставив всех слегка поежиться от холода. Лишь спустя мгновение молодой Сын Неба осознал, что совершил непростительную для государя

ошибку.

Как он мог выставить напоказ свои сокровенные мысли перед этими слугами?

Втайне взяв себя в руки, он выдавил из себя улыбку и непринужденно произнес:

— Чего это вы все попадали на колени? Хозяин задает вопрос, а вы, слуги, честно отвечаете — это добрый знак. Разве я стану карать вас за это? Вставайте все.

С этими словами он слегка размял плечи, поднял голову и восхищенно протянул:

— Какой чудесный ночной ветер. Подышишь им — и на сердце сразу легко. Сяо Фуцзы, давай-ка дальше освещай мне дорогу.

Услышав смех Императора, все вокруг словно заново родились.

Сяо Фуцзы тут же вскочил на ноги и поднял фонарь:

— Куда прикажете двигаться вашему величеству?

— В... — глубокие и сияющие зрачки Сына Неба уставились на луну, наполовину скрытую облаками, и он сдержанно поджал губы. — В Зал Извивающегося Дракона.

(Продолжение следует)

=Конец главы=

<http://bllate.org/book/21146/2144237>